



От редакции

Европейский Суд наконец-то вынес три первых решения по делам, порожденным конфликтом в Чечне. В этих делах «Мемориал» и EHRAC представляли шестерых заявителей, которым удалось доказать различные нарушения Конвенции, в первую очередь ст. 2 (право на жизнь) и ст. 13 (право на эффективную правовую защиту). Эти решения, ставшие важными вехами в практике Суда, подробно рассматриваются в настоящем номере Бюллетеня «Мемориала» и EHRAC. Эти решения устанавливают важный прецедент, признавая, что чеченским заявителям недоступны какие-либо эффективные средства защиты, и содержат очень важный анализ использования российскими вооруженными силами чрезмерной силы в регионе, приводящей к гибели гражданских лиц.

Также в третьем номере бюллетеня Анна Деменева («Сутяжник») рассматривает проблему права на юридическую помощь согласно Уголовно-процессуальному кодексу.

Бесарион Бокашвили (Грузинская ассоциация молодых юристов) рассказывает об ожидаемом рассмотрении в Европейском Суде деле, связанном с попытками грузинского журналиста освещать бесланскую трагедию, а Владислав Грибинча («Юристы за права человека», Кишинев) рассказывает о своих усилиях, направленных на обеспечение исполнения решения Суда по делу Илашку и другие против Молдовы и России. В номере содержатся резюме последних важных решений Европейского Суда, а также анализируется ответ Комитета по правам человека ООН на 5-й периодический отчет России в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах.

Мы будем благодарны за отклики на материалы Бюллетеня и приглашаем направлять ваши статьи для возможной публикации в следующих выпусках.

Филип Лич
Директор EHRAC

Европейский Суд вынес шесть важных решений по делам из Чечни

24 февраля 2005 г. Европейский Суд по правам человека вынес три решения по первым шести делам, вызванным продолжающимся конфликтом в Чечне. Все шесть дел вели юристы «Мемориала» в Москве и EHRAC в Лондоне.

Заявители по делам *Исаева против России (Isayeva v Russia, № 57947/00)*, *Юсупова против России (Yusupova v Russia, № 57948/00)* и *Баззаева против России (Bazayeva v Russia, № 57949/00)* утверждали, что стали жертвами беспорядочных воздушных бомбардировок колонны гражданских лиц, 29 октября 1999 г. пытавшихся на своих машинах покинуть Грозный. В результате бомбардировки двое детей первой заявительницы были убиты, а первая и вторая заявительница получили ранения. У третьей заявительницы были уничтожены машина и имущество. Заявители утверждали, что были нарушены статьи 2, 3 и 13 Конвенции и ст. 1 Протокола 1 (защита собственности).

Заявители утверждали, что бомбардировка планировалась, контролировалась и осуществлялась таким образом, что это явилось нарушением их права на жизнь. Они заявили, что нарушение было намеренным, поскольку власти должны были знать о массовом присутствии гражданских лиц во время нападения и поскольку самолет довольно долгое время летал низко над колонной, прежде чем открыть по ней огонь.

Российское правительство не оспаривало факт нападения или убийства детей первой заявительницы и ранений первой и второй заявительницы. Оно утверждало, однако, что летчики не намеревались причинить вред гражданским лицам, поскольку не видели и не могли видеть колонны. Применение силы, по утверждению правительства, было оправданным в соответствии с п. 2(а) ст. 2, который гласит, что лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение ст. 2, если оно является результа-

Содержание

Шесть решений по делам из Чечни	1
Право на защиту — по усмотрению судей	4
Судебные дела по правам человека	6
Резолюция ПАСЕ о состоянии прав человека в Чеченской республике	10
Исполнение решений Европейского Суда по правам человека	11
Журналистская свобода в России	13
Право голоса для заключенных	14
Доклад Комитета ООН по правам человека	15

том абсолютно необходимого применения силы для защиты любого лица от противоправного насилия. Правительство заявило, что применение авиации было оправдано, поскольку члены незаконных вооруженных формирований, которые представляли угрозу не только для летчиков, но и для находившихся поблизости гражданских лиц, открыли мощный огонь.

Суд отметил, что его способность провести оценку законности нападения, а также планирования и осуществления операции, была серьезно ограничена недостатком предоставленной ему информации. Правительство не представило плана операции и информации относительно того, какая оценка вероятных угроз и ограничителей была проведена, и были ли в распоряжении летчиков другие виды оружия или тактические действия. В первую очередь следует отметить отсутствие упоминания об оценке и предотвращении нанесения возможного ущерба гражданским лицам, которые могли оказаться на дороге или в непосредственной близости от места.

Суд согласился с тем, что ситуация в Чечне требовала исключительных мер, включая применение военной авиации, оснащенной тяжелым боевым вооружением. Суд был готов в принципе допустить, что, если бы самолеты были атакованы незаконными вооруженными формированиями, это могло бы оправдать применение смертельной силы, подпадая тем самым под действие п. 2 ст. 2.

Однако Суд пришел к выводу, что правительство не смогло представить убедительных доказательств, подтверждающих подобные выводы, в данном деле. Свидетельства, представленные летчиками и авиадиспетчером, были единственным упоминанием о нападении вооруженных повстанцев и были собраны более чем через год после нападения, неполны и ссылались на другие заявления, которых правительство не обнародовало. Они были составлены почти в идентичных выражениях и содержали очень скудные подробности нападения. Суд усомнился в их достоверности. Правительство также не представило никаких иных доказательств, которые могли бы иметь значение для признания нападения законным.

В отсутствие подкрепляющих доказательств того, что имелась или была вероятной угроза какого-либо незаконного применения силы, Суд усомнился в том, была ли ст. 2(2)(а) вообще применима. Однако Суд продолжал рассмотрение исходя из ее применимости, исследуя, была ли атака не более, чем «абсолютно необходимой» для достижения этой цели и соответствовало ли планирование и проведение операции ст. 2.

По этому вопросу Суд пришел к выводу, что нападение не было абсолютно необходимым для достижения целей, установленных в ст. 2. В частности, власти должны были знать об объявленном гуманитарном коридоре из Грозного и о присутствии гражданских лиц в этом районе. Следовательно, они должны были быть готовы к необходимости крайней осторожности при использовании смертоносной силы. Ни диспетчер, ни летчики, осуществлявшие нападение, не были поставлены в известность об объявлении гуманитарного коридора или о присутствии беженцев в районе и, следовательно, о необходимости крайней осторожности.

Ввиду этого и некоторых других обстоятельств, а именно отсутствия передового авианаводчика на борту для независимой оценки целей, длительности нападения, которое продолжалось в течение четырех часов, и силы используемого вооружения, Суд заключил, что операция не была

спланирована и проведена с требуемой заботой о жизни гражданского населения. Следовательно, Суд счел, что права заявителей по ст. 2 были нарушены как тем, что государство не защитило их жизни и жизни их детей, а также не расследовало нападение после того, как оно произошло. Заявителям была присуждена сумма в 42 тыс. евро плюс юридические расходы и издержки.

Решение по делу *Исаева против России (Isayeva v Russia, № 57950/00)*, касалось неизбирательной бомбардировки села Катыр-Юрт. Не оспаривалось, что заявительница и ее родственники подверглись нападению, когда пытались покинуть в деревню, как они думали, через безопасный выход. Было установлено, что авиабомба, сброшенная с российского военного самолета, взорвалась рядом с фургоном заявительницы, убив ее сына и трех племянниц.

Заявительница утверждала, что в конце января 2000 г. федеральным военным командованием была спланирована и проведена специальная операция с целью выманить войска повстанцев из Грозного. В том числе этот план состоял в том, чтобы заставить боевиков поверить, что из Грозного можно выйти по безопасному коридору. Им позволили покинуть город, а затем выманили на минные поля и атаковали артиллерией и с воздуха. Группа боевиков прибыла в Катыр-Юрт рано утром 4 февраля 2000 г. Жителей села не предупредили об их приближении и не сказали о безопасных выходах. В тот день бомбардировка села снарядами началась с самого раннего утра. Она утихла примерно в 3 часа дня, и заявительница и ее родственники попытались покинуть село, думая, что военные предоставили безопасный выход из села. Когда они уезжали по дороге, появились самолеты и начали бомбить машины на дороге, убив родственников заявительницы.

Российское правительство не оспаривало факт нападения или убийства родственников заявительницы, однако утверждало, что применение силы было оправданным по ст. 2(2)(а) Конвенции.

Суд согласился с тем, что ситуация в Чечне во время событий требовала исключительных мер, включая развертывание вооруженных военных соединений, оснащенных боевым вооружением. Однако Суд не согласился с тем, что применение силы было соразмерным. В частности, он установил, что имелись существенные доказательства, позволявшие предполагать, что прибытие группы вооруженных повстанцев в Катыр-Юрт не было неожиданным для российских войск и могло быть даже спровоцировано ими.

Военные действия против боевиков были не спонтанными, а спланированными заранее. Однако ничего не было сделано, чтобы предупредить жителей села о возможности прибытия вооруженных повстанцев и опасности, которой они подвергались. Военные должны были учесть последствия использования авиации, оснащенной тяжелыми боевыми орудиями, в населенном районе и связанные с этим опасности. Отсутствуют доказательства тому, что во время стадии планирования каким-либо образом просчитывалась эвакуация гражданских лиц. Использование бомб ФАБ-250 и ФАБ-500 в населенной местности, не в военное время и без предварительной эвакуации гражданского населения Суд счел невозможным примирить со степенью осторожности, требуемой от правоохранительных органов в демократическом обществе.

Соответственно Суд счел, что, хотя операция в Катыр-Юрте преследовала законную цель, она была спланирована и проведена без должной заботы о жизни гражданско-

го населения. Заявительнице была присуждена сумма в 25 тыс. евро в порядке компенсации нематериального ущерба. Ей также было присуждено 18 710 евро за материальный ущерб (а именно за повреждение имущества и потерю заработка ее сына).

В деле *Хашиев против России (Khashiyev v Russia, № 57942/00)* и *Акаева против России (Akayeva v Russia, № 57945/00)* родственники заявителей были убиты при обстоятельствах, являвшихся предметом спора. Убийство произошло в то время, когда российские федеральные силы контролировали район Грозного, в котором они проживали (Старопромысловский). Сами заявители покинули Грозный из-за возобновления конфликта. В январе 2000 г. заявители узнали о гибели своих родственников. На телах покойных были следы пулевых ранений и ударов холодным оружием.

По утверждениям заявителей, вне всяких обоснованных сомнений было доказано, что их родственники были умышленно убиты солдатами федеральных сил. Они утверждали, что имеются достаточно сильные, ясные и согласованные свидетельства, удовлетворяющие установленному стандарту доказывания. В частности, они ссылались на показания очевидцев о том, как родственники первого заявителя были задержаны федеральными силами 19 января 2000 г., и что их тела позднее были найдены с отверстиями от пуль и следами побоев. Они также заявили, что имелись очень веские и убедительные доказательства широкого применения пыток и внесудебных казней военнослужащими в Грозном в начале 2000 г. Наряду с этим отказ правительства представить все материалы, относящиеся к уголовному расследованию, должен был побудить Суд сделать выводы об обоснованности обвинений.

Правительство утверждало, что обстоятельства смерти родственников заявителей неясны, и представило альтернативные объяснения — что они были убиты чеченскими боевиками или грабителями или же участвовали в вооруженном сопротивлении и были убиты в бою.

Суд попросил правительство представить копию всех материалов уголовного расследования. В конечном счете, было представлено лишь около 2/3 дела, а правительство заявило, что оставшиеся документы для дела несущественны.

Суд отметил, что со стороны правительства непредставление такой информации без удовлетворительного объяснения может побудить сделать выводы об обоснованности утверждений заявителей. Там, где события, лежащие в основании дела, целиком или в большой степени находятся в исключительном ведении властей, как в случае лиц, находящихся под их контролем в задержании, возникают сильные фактические презумпции в отношении телесных повреждений и смертей, происходящих во время задержания. Может быть сочтено, что на властях лежит бремя доказывания и предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения.

Аргументы правительства о несущественности некоторых материалов дела не убедили Суд. Хотя расследование было так и не завершено и ответственные лица не установлены, Суд усмотрел из материалов дела, что единственной версией событий, рассматривавшейся прокуратурой, была версия заявителей, а документы следствия постоянно ссылались на убийства, совершенные военнослужащими. Суд заключил, что на основании имеющихся у него материалов было установлено, что жертвы были убиты российскими военнослужащими и ответственность за их смерти может

Потенциальные заявители в Европейский Суд по правам человека!

Если вы считаете, что ваши права были нарушены, или помогаете другому человеку, чьи права были нарушены, и при этом хотели бы получить консультацию о порядке подачи жалобы в Европейский Суд по правам человека, ЕНРАС может помочь вам. Свяжитесь с нами по обычной или электронной почте. Наши адреса указаны на последней странице.

быть возложена на государство. Правительство не ссылалось ни на какие оправдывающие основания и соответственно имело место нарушение ст. 2. Заявителям была выплачена компенсация в 35 тыс. евро, плюс расходы и издержки.

Во всех трех решениях Суд счел, что российское правительство нарушило права заявителей по ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты). В подобных делах, где имеются ясно доказуемые примеры нарушений прав заявителей по ст. 2 и 3, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практическими средствами защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных. Уголовное расследование подозрительных смертей родственников заявителей не обладало «достаточной объективностью и тщательностью». Любое другое средство защиты, включая возможности защиты в рамках гражданского процесса, предложенные правительством, было вследствие этого лишено смысла, и следовательно правительство не выполнило своих обязательств по ст. 13.

Суд также рассмотрел требование по ст. 35(1) об обязанности заявителей предварительно исчерпать внутренние средства защиты в Чечне или где-либо еще, учитывая, что суды в Чечне в то время не работали. Суд счел, что заявители не были обязаны использовать гражданские средства защиты, например, жалобу в Верховный Суд или другие национальные суды. Не было вынесено решения, согласно которому национальные суды могли бы, в отсутствие результатов уголовного расследования, рассматривать такие жалобы по существу. Заявителям была неизвестна личность потенциальных ответчиков и, поскольку получение такой информации зависело от исхода следствия, они не обратились с подобными жалобами.

Суд также отметил практические сложности в подаче гражданских исков, упомянутые заявителям, и то, что правоохранительные органы в Чечне в то время не функционировали должным образом, сочтя это особыми обстоятельствами, повлиявшими на их обязательство по исчерпанию внутренних средств защиты по ст. 35(1).

Суд отметил, что г-н Хашиев подал иск в Назранский районный суд и ему была назначена компенсация. Однако суд не мог предпринять независимого расследования с целью установления виновных. Несмотря на материальную компенсацию, гражданский иск не способен был помочь установить личность виновных или их ответственность.

Во время написания статьи решения не вступили в силу. Когда это произойдет, зависит от того, обратится ли правительство с прошением о передаче дел в Большую Палату, состоящую из 17 судей Европейского суда, в соответствии со ст. 43 Конвенции.

Право на защиту — по усмотрению судей

Анна Деменева,

юрист Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник», г. Екатеринбург

На первый взгляд представляется, что российское законодательство об обеспечении права на защиту в уголовном процессе соответствует международным стандартам, поскольку в Конституции РФ, Уголовно-процессуальном кодексе содержится право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной.

Тем не менее, препятствия в реализации права на защиту в уголовном процессе в России возникают, и зачастую они бывают связаны с несоответствием российского законодательства или сложившейся правоприменительной практики международным нормам.

Одной из таких серьезных проблем несоответствия является практика толкования и применения статьи 48 Конституции РФ и статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В уголовном процессе право на защиту стоит рассматривать неразрывно с правом на получение содействия в такой правовой защите, т.е. с правом на помощь защитника.

Статья 48 Конституции предусматривает, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Статья 49 п. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает:

«Защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

По общему правилу интересы подсудимого в уголовном процессе представляет адвокат. В соответствии с п. 2 статьи 49 УПК наряду с адвокатом в качестве защитника может быть допущено иное лицо: «В качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката».

«Иным защитником» на практике может оказаться, например, юрист, который является вполне компетентным и разбирающимся в данном деле, однако не имеющий статуса адвоката, или юрист, обладающий специальными знаниями и опытом — например, в сфере международной защиты прав человека.

Подсудимый может считать, что помощи адвоката ему недостаточно, например, в связи с тем, что адвокат не владеет знаниями в сфере международной защиты прав человека, и подсудимый ходатайствует перед судом о допуске в качестве его защитника еще и лица, не обладающего статусом адвоката, но обладающего этими специальными знаниями.

«Поскольку ни один из моих адвокатов не владеет специальными знаниями в области международной защиты прав человека, а государство мне такого адвоката предоставить не способно, прошу допустить в качестве защитника юриста

Д., с целью содействия реализации моего права на квалифицированную юридическую помощь и право на обращение в международные органы», — пишет один из моих клиентов в ходатайстве в суд.

То, что статья 49 УПК предусматривает возможность допуска иного защитника в уголовном процессе только наряду с адвокатом, объяснимо. Государство призвано гарантировать квалифицированную юридическую помощь, а единственная существующая система, хоть как-то напоминающая систему контроля государственных органов за квалификацией практикующих юристов — это адвокатура, с предписанными ей законом процедурой сдачи экзаменов и с содержащимся в этом же законе определением адвокатской деятельности как «квалифицированной юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката».

«Иной защитник» выступает в качестве дополнительного средства защиты, и право подсудимого на это дополнительное средство защиты предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом.

А теперь обратим внимание на формулировку части 2 статьи 49 УПК: иные лица «...могут быть допущены», что буквально означает — «а могут быть и не допущены».

Если судья удовлетворяет ходатайство подсудимого и допускает иное лицо в качестве защитника путем вынесения постановления, никаких вопросов не возникает, защитник пользуется правами, предусмотренными для него Уголовно-процессуальным кодексом РФ. А как быть в случае, когда судья отказывает в допуске такого защитника?

Заметим, что процессуальная форма допуска защитника в Уголовно-процессуальном кодексе определена: это постановление судьи. Но кодекс не обязывает судью выносить мотивированное постановление об отказе в допуске защитника. Этим судьи благополучно пользуются и на заявлении о допуске защитника пишут «отказать» либо, если ходатайство о допуске иного лица в качестве защитника заявляется в судебном процессе, сообщают, что «суд, совещаясь на месте, определил в ходатайстве отказать», т.е. выносят определение в протокольной форме. Это значит, что отказ в допуске в качестве защитника невозможно обжаловать.

Более того, статья предоставляет судье неограниченные дискреционные полномочия отказывать в допуске в качестве защитника иного лица, во-первых, потому, что статья не содержит никаких случаев, критериев и ориентиров, когда следует, а когда не следует отказывать, а во-вторых, потому, что статья не устанавливает обязанности для судьи мотивировать свой отказ. Это очень серьезное упущение, потому что таким образом статья содержит не что иное, как свободу произвольных действий судьи. «Иные лица могут быть допущены, могут быть не допущены, а впрочем, какая разница, ведь есть право на адвоката, причем бесплатного», — невозмутимо сообщил мне один из высших должностных лиц областного суда. И самое ужасное, что при этом он не нарушил норму УПК РФ. Это статья 49 УПК РФ позволяет ему рассуждать подобным образом.

Я не хочу обвинить судей в злонамеренном недопуске в процесс иных юристов, кроме адвокатов. Однако, исходя из содержания статьи 49 п. 2 УПК РФ, судья решает вопрос, связанный с правом лица на защиту, исходя из субъектив-

ной оценки целесообразности такого допуска. Как уже отмечалось, статья не содержит никаких даже самых формальных ориентиров — должен ли судья оценить квалификацию иного защитника и на этом основании сделать соответствующие выводы, а также учесть такие факторы, как категория преступления, в совершении которого обвиняется подзащитный, платный или бесплатный адвокат осуществляет его защиту и т.д. К сожалению, чаще всего при разрешении таких вопросов судьи руководствуются правосознанием на уровне бытового: «у вас же уже есть адвокат, зачем еще и юрист общественной организации», «зачем вам в суде первой инстанции специалист по международному праву? Вот будете обращаться в Европейский суд, тогда и просите о допуске этого юриста...».

Прошло судебное заседание в суде первой инстанции, вынесен приговор. Клиент находится в следственном изоляторе и собирается готовить кассационную жалобу на приговор. Вновь наряду с помощью адвоката осужденный хотел бы иметь и иного защитника. Причины тому могут быть самые разные: не устраивает качество работы адвоката либо осужденный действительно в дальнейшем планирует обращаться в международные органы по защите своих прав, а для этого уже в кассационной инстанции необходимо грамотно указать на допущенные нарушения прав, гарантированных международным актом, чтобы соблюсти правило исчерпания средств внутренней правовой защиты, установленное как Европейской Конвенцией о защите прав человека, так и Международным Пактом о гражданских и политических правах.

И снова возникает проблема. «Иной защитник» не имеет возможности встретиться со своим клиентом и обсудить процесс написания кассационной жалобы и иных процессуальных документов, так как его не допускают в следственный изолятор. В этом случае осужденный и сам потенциальный защитник вынуждены обращаться в суд, вынесший приговор, чтобы тот допустил лицо в качестве защитника. Здесь также может возникнуть масса вариантов создания препятствий в допуске защитника. Один судья, внимательно вчитавшись в статью 49 УПК, сообщает, что она относится только к стадиям судебного разбирательства, а между ними допуск защитника невозможен. Мне и моему подзащитному было предложено обратиться в суд кассационной инстанции с ходатайством о допуске. Суд кассационной инстанции указал, чтобы я обращалась с этим ходатайством в ходе слушания в суде кассационной инстанции.

Во втором случае суд допускает иное лицо в качестве защитника, но не выносит об этом постановление, указывая опять же на то, что постановление выносится только в отношении допуска на слушание, а на данной стадии суд выдает пропуск в следственный изолятор. Сотрудники следственного изолятора, в свою очередь, тоже заглядывают в УПК и, ссылаясь на статью 49, отказывают защитнику в допуске к заключенному под стражу, так как: а) выдача пропуска областным судом не является обязательным документом для СИЗО; б) отсутствует постановление судьи, без которого по смыслу статьи 49 УПК РФ допуск иного лица в качестве защитника невозможен.

Помимо всего прочего, подследственный и осужденный, не имея доступа к конкретному, выбранному им именно для этой цели юристу, лишается возможности эффективно защищать свои права в международных органах. Не секрет, что процедура обращения в международные органы достаточно сложна. Для того, чтобы жалоба была признана при-

емлемой, лицу может понадобиться консультация специалиста. Как уже говорилось, этим специалистом не обязательно будет адвокат. Это может быть юрист общественной организации или преподаватель юридического вуза. И как в этом случае заключенному под стражу такую консультацию получить, а специалисту — ее предоставить, чтобы подготовить грамотный и эффективный документ, если в доступе к заключенному отказано? Несомненно, что такие препятствия также составляют нарушение права на правовую защиту в международных органах, а ведь статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо предусматривает, что «Высокие договаривающиеся стороны (то есть, государства-участники Конвенции в лице своих властных органов — А.Д.) обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Необходимо отметить, что на практике судьи и сотрудники СИЗО, а вместе с ними и прокуратура по надзору за соблюдением законов в местах лишения свободы распространяют действие статьи 49 УПК РФ о беспрепятственном допуске к подсудимому и осужденному только на адвокатов и на те дела, которые ведутся от имени подследственного или подсудимого и в гражданском суде. Иными словами, если лица, находящегося на свободе, есть право выдать доверенность на представление его интересов по гражданскому делу любому лицу, то возможности выбора защитника у осужденного и подследственного снова ограничены обращением только к адвокату. Конечно, доверенность на иное лицо в гражданском суде примут, но юрист не будет иметь возможности обсуждать позицию по делу со своим клиентом, сообщать ему о ходе ведения дела, так как в СИЗО его при предъявлении доверенности по гражданскому делу все равно не пустят. Это серьезное препятствие к реализации права на доступ к правосудию и по гражданским делам, учитывая то, что в гражданском производстве, в частности, рассматриваются жалобы на нарушение прав содержащихся в СИЗО со стороны администрации учреждения, жалобы на условия содержания.

Как ни странно, источником проблемы в описанной ситуации является несоответствие статьи 48 Конституции РФ международным нормам. И статья 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах, и статья 6 Европейской Конвенции предусматривают право на защиту лица посредством «им самим выбранного защитника». Конституция РФ не содержит указания на защитника по выбору, и в результате — соответствующие толкование статьи правоприменительными органами. «... Ст. 49 п. 2 УПК РФ не ущемляет право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. Право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению подозреваемого или обвиняемого...» — указывает Секретариат Конституционного суда РФ в ответе на жалобу в Конституционный суд РФ.

Однако, учитывая содержание ст. 15 п. 4 Конституции РФ, Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод», Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», следует сделать иной вывод. Право на защитника по выбору лица гарантировано международными актами, и представляется, что статья 48 Конституции РФ должна толковаться в свете международных обязательств Российской Федерации по защите прав человека.

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых Мемориал и EHRAC представляют заявителей

Бронёвски против Польши (Broniowski v Poland, № 31443/96)

22/6/2004

(ECHR: решение Большой Палаты)

Факты

Бабушке заявителя принадлежала земля, находившаяся на территории, которая ранее входила в состав Польши, а в настоящее время является частью Украины. По условиям международного соглашения о передаче этой территории и согласно последующему законодательству она имела право на получение компенсации от польского правительства. Заявитель унаследовал права своей бабушки от матери.

В 1981 г. матери заявителя была предоставлена в пользование земля, стоимость которой была засчитана в установленную сумму компенсации. Заявитель унаследовал собственность матери, а в 1992 г. продал право аренды и обратился в Краковское районное управление за оставшейся суммой компенсации. Позднее, в 2003 г., правительство произвело оценку, в результате которой было установлено, что предоставленное право пользования землей покрывало 2% от общей суммы компенсации.

В 1993 г. Краковское районное управление сообщило заявителю, что его требование не может быть удовлетворено, поскольку по закону 1990 г. вся имевшаяся земля была передана краковскому муниципалитету.

В 1994 г. управление Краковского воеводства сообщило заявителю, что в государственной казне нет земли для предоставления компенсации. Заявитель подал жалобу в Высший административный суд, обвиняя правительство в бездействии на том основании, что оно не приняло соответствующего законодательства, и требуя альтернативной компенсации. Суд жалобу отклонил.

В июле 2002 г. уполномоченный по правам человека, действуя от имени репатриированных лиц, обратился в Конституционный Суд с просьбой признать неконституционными положения закона, ограничивающие их право на компенсацию. Эта жалоба была удовлетворена и решение вступило в силу в 2003 г.

В январе 2003 г. Агентство военного имущества, ранее участвовавшее в аукционах собственности, стоимость которой могла быть зачтена в долг по компенсации, издало официальное сообщение, гласившее, что решение Конституционного Суда потребует внесения изменений в другие законы и до тех пор дальнейшие аукционы собственности приостанавливаются. Агентство сельскохозяйственного имущества государственной казны выступило с аналогичным сообщением.

12 декабря 2003 г. был принят закон о зачете стоимости государственной собственности, проданной на аукционе, в долг по компенсации (Декабрьский закон 2003 г.) Декабрьский закон 2003 г. предусматривал, что обязательства государства по отношению к лицам, которые, подобно заявителю, уже приобрели в порядке компенсации какую-

то собственность согласно предшествующим законодательным актам, считаются исполненными.

Решение

Суд исходил из допущения, что действия польского правительства были «предусмотрены законом» по смыслу ст. 1 Протокола 1. Суд также согласился с тем, что цели, которые польское правительство преследовало в своих действиях, — восстановление местного самоуправления, реструктуризация сельскохозяйственной системы и генерирование денежных средств для модернизации военных институтов — были законными в интересах общества.

Что касается справедливого баланса между потребностями общества и личностями, то Суд согласился с тем, что огромное число претендентов и требуемое количество денег были факторами, которые необходимо учитывать при решении вопроса о том, был ли достигнут справедливый баланс.

Однако поведение властей, представлявшее собой намеренные попытки воспрепятствовать исполнению окончательного и требующего исполнения решения Конституционного суда, не может быть объяснено каким-либо законным общественным интересом или интересами общества в целом. Отъем собственности без выплаты суммы, разумно соотносящейся с ее стоимостью, как правило представляет собой несоразмерное вмешательство, и полное отсутствие компенсации обычно может быть оправданным лишь в исключительных обстоятельствах.

Суд согласился с тем, что в подобных ситуациях национальные власти должны располагать значительной свободой усмотрения при выборе мер, обеспечивающих соблюдение прав собственности или регулирующих отношения собственности в стране. Ст. 1 Протокола 1 не гарантирует права на полную компенсацию во всех обстоятельствах, а государству-ответчику должна быть предоставлена широкая свобода усмотрения.

Однако эта свобода не безгранична, а использование ее не должно влечь последствия, расходящиеся со стандартами Конвенции. Согласившись с тем, что радикальная реформа финансовой системы страны могла оправдать жесткие ограничения на компенсацию, Суд счел, что государство не привело удовлетворительных оснований, оправдывающих ту степень, в которой в течение многих лет оно не выполняло прав, которыми заявитель был наделен по закону.

Принцип верховенства права, лежащий в основании Конвенции, требует, чтобы государства соблюдали и применяли закон предсказуемым и последовательным образом и обеспечивали правовые и практические условия для его применения. Государство, наложившее последовательные ограничения на пользование заявителем своим правом на компенсацию, сделало это право иллюзорным и разрушило самую его сущность.

Декабрьский закон 2003 г. ввел различие в обращении для разных претендентов: тем, кто никогда не получал никакой компенсации, была предоставлена сумма, которая, хотя на нее и был установлен потолок, составляла 15% от их требований, тогда как заявитель не получил суммы свыше 2%, которая, как было установлено, уже была ему выплачена. Поэтому заявителю пришлось нести несоразмерное и избыточное бремя, не могущее быть оправданным законными интересами общества. Следовательно, имело место нарушение ст. 1 Протокола 1.

Решение суда по вопросу возмещения убытков отложено. Поскольку было установлено, что нарушение порождено несовершенством внутреннего законодательства и судопроизводства, Суд потребовал от правительства принять надлежащие меры, призванные обеспечить применение положений имущественного права по отношению ко всем заявителям, находящимся в подобной ситуации (или предоставить эквивалентную компенсацию ущерба).

Гусинский против России (Gusinskiy v Russia, №. 70276/01); решение от 19 мая 2004 г.

Факты

Заявитель — бывший председатель правления и мажоритарный акционер российской частной компании, медиахолдинга «Медиа-Мост». В 2000 г. «Медиа-Мост» был вовлечен в ожесточенный конфликт с Газпромом — естественной газовой монополией, контролируемой государством, — в связи с долгами «Медиа-Моста» Газпрому. После того как Газпром прекратил переговоры по долгам, в июне 2000 г. заявитель был вызван в прокуратуру на допрос в качестве свидетеля по уголовному делу, не связанному с данной ситуацией. По прибытии в прокуратуру заявитель был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму, где содержался в течение трех дней. В протоколе допроса сотрудники прокуратуры отметили, что заявитель был награжден орденом Дружбы народов и вследствие этого подпадал под амнистию, объявленную всего несколькими неделями ранее, в мае 2000 г. Во время пребывания заявителя в тюрьме министр печати и информации предложил ему освобождение и снятие уголовных обвинений, если он продаст «Медиа-Мост» Газпрому по установленной последней цене. Заявитель уступил и был освобожден, после чего подписал соглашение с Газпромом, согласно которому все уголовные обвинения будут сняты в обмен на отказ заявителя от контроля над своей компанией. Соглашение было утверждено подписью министра печати и информации, следствие прекращено, а заявителю было разрешено покинуть страну. Заявитель немедленно уехал в Испанию, после чего «Медиа-Мост» отказался признать соглашение, утверждая, что оно было заключено под давлением. Вскоре после этого заявителю были предъявлены новые обвинения и затребована его экстрадиция из Испании, в результате чего он был помещен под домашний арест. В апреле 2001 г. испанские власти отклонили запрос об экстрадиции на основании его политической мотивированности.

Решение

Суд установил в деле нарушение ст. 5 Европейской Конвенции. Доказательства, собранные следственными органами, могли удовлетворить объективного наблюдателя в том, что заявитель, возможно, совершил преступление, и поэтому можно было утверждать, что власти имели «разумные подозрения» о совершении им преступления, как этого требует ст. 5(1)(с). Однако решение о взятии под стражу было вынесено до предъявления заявителю каких-либо обвинений. Согласно российскому уголовно-процессуальному праву это разрешается только при неопределенных «исключительных обстоятельствах». Это не соответствует требованию «законности», содержащемуся в ст. 5(1)(с), поскольку критерии, допускающие задержание до предъявления обвинений, не были достаточно доступными и точными и не содержали гарантий от произвола. Задержание также было незаконным, поскольку уголовное преследование должно было быть прекращено по условиям амнистии. Однако самый важный момент состоит в том, что Суд впервые установил нарушение ст. 18 Конвенции. Из представленных ему доказательств Суд заключил, что задержание заявителя было использовано для того, чтобы запугать его и заставить передать акции в его медиа-бизнесе контролируемой государством компании. Суд установил, что использование уголовного разбирательства и заключения под стражу в качестве стратегии ведения коммерческих переговоров явилось злоупотреблением государственными полномочиями по ст. 5, что в свою очередь является нарушением ст. 18. Помимо установления нарушений ст. 5 и 18 Суд присудил заявителю общую сумму в 88 тыс. евро в порядке компенсации судебных расходов и издержек.

Новоселов против России (Novoselov v Russia), № 66460/01

8/7/2004

(ЕСПЧ: решение о приемлемости)

Дина Ведерникова,
юрист, ПЦ «Мемориал», Москва

Факты

Уголовное разбирательство в отношении заявителя

27 октября 1998 г. заявитель, после обращения его соседа с жалобой на словесное оскорбление и нападение, был арестован и помещен в учреждение № ИЗ-18/3 г. Новороссийска. 5 ноября 1998 г. районный суд признал его виновным в нарушении общественного порядка и приговорил его к шести месяцам лишения свободы. 10 ноября заявитель через КПП направил документ, содержащий основания обжалования приговора. Судя по всему, эта жалоба не была получена или рассмотрена. 28 апреля 1999 г. заявитель был освобожден, отбыв срок заключения.

23 декабря 1998 г. районный суд, исследовав основания жалобы, поданной адвокатом заявителя (о чем заявитель не знал), оставил приговор в силе.

Президиум краевого суда впоследствии отменил определение от 23 декабря на том основании, что суд не рассмотрел доводы жалобы, поданной заявителем. 5 декабря 2001 г. областной суд провел новое кассационное заседа-

ние и вновь оставил приговор заявителю в силе. По всей видимости, в учреждение, где заявитель отбывал срок в 1998–1999 гг., направлялась повестка.

Решение от 5 декабря 2001 г. также было отменено на том основании, что заявитель не был должным образом оповещен о рассмотрении дела. Окончательным решением кассационной инстанции от 18 сентября 2002 г. приговор заявителю был оставлен в силе. В этот раз повестка высылалась по последнему известному адресу заявителя, имевшемуся в канцелярии суда, хотя заявитель уже по нему не проживал и, соответственно, повестки не получил. Его жалоба об отмене решения не была принята к рассмотрению.

Условия содержания заявителя и процедура иска о компенсации

Заявитель содержался в камере площадью приблизительно в 42 кв. м., в которой одновременно находилось от 42 до 51 заключенных. Заключенные были вынуждены спать по очереди. Уборная была отделена от камеры лишь простыней одного из заключенных. Стол для приема пищи находился всего в метре от уборной. Вентиляция включалась только тогда, когда в тюрьму приходила «инспекция». Окна были закрыты стальными щитами, оставляющими открытой щель шириной около 10 см. Пища была очень плохого качества. Среди других отягчающих факторов было отсутствие постельного белья, полчища насекомых и отсутствие у заключенных моющих средств.

В заключении заявитель заразился чесоткой, однако его не изолировали от других заключенных. Он дважды за шесть месяцев переболел гриппом. К моменту освобождения заявитель потерял в весе 15 кг, задыхался при ходьбе, быстро уставал, не мог бегать и испытывал общую слабость.

30 июля 2002 г. заявитель обратился с гражданским иском о компенсации за ущерб, причиненный «бесчеловечными и унижающими» условиями его заключения. Районный суд отклонил иск, а краевой суд оставил это решение в силе.

Решение: жалоба приемлема по ст. 3; неприемлема в остальной части

Европейский Суд счел, что вопрос о совместимости условий заключения заявителя со ст. 3 требует исследования по существу.

Что касается ст. 6(1), то Суд счел, что «власти нельзя считать ответственными за невручение заявителю повестки, поскольку он не предпринял необходимых мер для того, чтобы обеспечить получение почты по новому месту жительства, и поэтому его было невозможно поставить в известность о дате кассационного слушания».

Кляхин против России (Klyakhin v Russia) № 46082/99, 30/11/2004 (ЕСПЧ: решение по существу)

Факты

Заявитель был арестован по подозрению в совершении грабежа. После продолжительного предварительного за-

ключения он был осужден, но впоследствии приговор был отменен на основании процессуальных нарушений. Несмотря на это, заявитель продолжал содержаться под стражей вплоть до освобождения по амнистии. Заявитель ссылаясь на статьи 5, 6 и 13 Европейской Конвенции, жалуясь на отсутствие у него эффективных средств защиты против нарушений, связанных с продолжительностью уголовного разбирательства, и на отсутствие процедуры обжалования незаконности содержания под стражей. По ст. 8 и 34 заявитель жаловался на то, что руководство тюрьмы вмешивалось в его переписку с Судом.

26 августа 1997 г. заявитель был арестован по подозрению в совершении грабежа, а 5 сентября 1997 ему было предъявлено официальное обвинение. Он отрицал утверждения правительства о том, что Армавирский городской суд дважды рассматривал его жалобы, и утверждал, что судья вынес необоснованное постановление о продолжении его содержания под стражей. 4 марта 1998 г. слушание было отложено, поскольку заявитель не смог в достаточной степени ознакомиться с делом. Заявитель утверждал, что ему предоставили недостаточно времени для просмотра документов и при ознакомлении с ними он находился в наручниках. До возобновления разбирательства 29 марта 1999 г. слушания откладывались или отменялись пять раз. 6 апреля 1999 г. дело было возвращено в прокуратуру на доследование. Срок предварительного заключения заявителя был продлен без указания мотивов, а 16 августа 1999 г. он был осужден за грабеж и приговорен городским судом к 5 годам лишения свободы. 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда отменил приговор от 16 августа 1999 г. из-за процессуальных нарушений и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. 30 декабря 1999 г. заявитель был возвращен в Армавирский городской следственный изолятор. 17 апреля 2000 г. в городском суде открылось слушание, а 18 апреля суд назначил медицинское обследование заявителя в психиатрической больнице. Заявитель обжаловал это решение и свое продолжающееся содержание под стражей 19, 24 и 25 апреля 2000 г., а также 12, 23 и 25 мая 2000 г., но ответа не получил. После поданных с февраля по декабрь 2000 г. девяти ходатайств заявителю было разрешено ознакомиться с материалами дела. Он сообщил, что ему предоставили около полутора часов на изучение материалов дела, содержащего около 500 листов. 18 декабря дело было отложено в очередной раз. 9 февраля 2001 г. заявитель был осужден за попытку грабежа и позднее выпущен из-под стражи на основании амнистии, поскольку к тому времени он провел под стражей три года, пять месяцев и 13 дней.

Заявитель также утверждал, что в июне 1998 г. администрация СИЗО, где он содержался под стражей, отказалась направить его жалобу в Европейский Суд, а 25 марта 1999 г. он направил в Европейский Суд письмо с приложениями, которое до Суда так и не дошло.

Решение

Суд установил нарушение права заявителя на разбирательство в разумный срок или на освобождение до суда (ст. 5(3)). Суд подчеркнул, что его юрисдикция распространяется только на период после 5 мая 1998 г., когда Конвен-

ция вступила в силу в отношении России, однако напомнил, что примет во внимание состояние разбирательства, имеющее место на момент происшедших событий. Период для рассмотрения проистекал от взятия обвиняемого под стражу до момента, когда ст. 5(3) стала неприменимой (т.е. до вынесения приговора). В течение этого периода для того, чтобы задержание было оправданным, требуются разумные подозрения в совершении преступления, но по истечении определенного времени этого становится недостаточно. После этого оправдание содержания под стражей требует веских и достаточных оснований, которыми, по утверждению государства, были тяжесть обвинений и риск воспрепятствования отправлению правосудия. Если принять эти основания, то Суд задается вопросом, проявили ли национальные власти «особенное тщание» в проведении разбирательства. Однако было установлено, что сама по себе серьезность обвинений недостаточна, а доказательств того, что имелся риск вмешательства в надлежащее отправление правосудия, представлены не были.

Заявитель также жаловался на то, что, несмотря на проведение нескольких пересмотров содержания под стражей, ему неоднократно отказывалось в попытках предпринять разбирательство для определения законности его содержания под стражей или такие жалобы не рассматривались должным образом (нарушение ст. 5(4)). Было установлено, что эта процедура, хотя и не обязательно требует тех же гарантий, что и полное судопроизводство, должна носить судебный характер, соответствующий данному роду лишения свободы. Далее, она должна исследовать соблюдение процессуальных требований национального законодательства, разумность подозрений, приведших к аресту и законность цели ареста и содержания под стражей. Заявитель утверждал, что многие из его жалоб остались без ответа, а состоявшееся рассмотрение не соответствовало поданным им жалобам, что Суд не счел ни неправдоподобным, ни легкомысленным. Данная часть жалобы поэтому также была поддержана Судом.

Также имело место нарушение ст. 6(1) — права на рассмотрение дела в разумный срок. Рассматриваемый период начинается с предъявления обвинений и заканчивается с прекращением разбирательства, из которых два года и семь с половиной месяцев имели место после вступления в силу Конвенции в отношении России. Суд применил прагматический подход к вопросу о разумности, с учетом конкретных обстоятельств дела, в первую очередь его сложности и поведения заявителя. Было установлено, что дело не было особенно сложным, что заявитель не способствовал в значительной степени удлинению разбирательства и что, по сути, в определенной задержке виноваты власти, особенно с апреля 1998 г. по март 1999 г., когда дело не рассматривалось, а только откладывалось. Суд также установил, что заявитель не располагал эффективными средствами защиты против избыточной длительности разбирательства в нарушение ст. 13, гарантирующей наличие внутреннего средства защиты. Государство не смогло назвать никакого средства защиты, которое могло бы ускорить решение дела заявителя или предоставить возмещение за задержки.

Ст. 8 Конвенции охраняет право на уважение корреспонденции, допуская вмешательство, например, с целью

предотвращения нарушения или преступления или защиты прав других лиц. То, что письма заявителя вскрывались, не оспаривалось государством, которое лишь заявило, что российское законодательство в то время позволяло такой досмотр. Однако того, что подобные действия были законными по внутреннему законодательству, недостаточно, поскольку по ст. 8 это не было «необходимо в демократическом обществе» для достижения определенных правомерных целей. Такой цели правительство не назвало, и поэтому вмешательство не являлось необходимым и нарушило ст. 8(2). Это, однако, не составляло дальнейшего нарушения ст. 13 (право на эффективную защиту), которая не распространяется на то, чтобы оспаривать первичное законодательство государства как противоречащее Конвенции. Что же касается ст. 34, то она была нарушена отказом тюремной администрации посылать письма заявителя в Суд. Суд подчеркнул, что для должного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, важно, чтобы такие жалобы могли подаваться без всякого давления. Правительство отрицало вмешательство, но доказательства, в частности, письмо, датированное 8 июня 2000 г. с почтовым штампом от 20 октября, в котором не было ни одного из приложений, перечисленных заявителем, свидетельствовали в пользу заявителя. Правительство не представило этому разумного объяснения, и Суд установил нарушение ст. 34.

Заявителю было присуждено 5 800 евро в качестве компенсации нематериального ущерба и издержек.

Статистика дел ЕСПЧ

По данным Обзора деятельности Европейского Суда по правам человека за 2004¹, Россия вновь лидировала по количеству поданных жалоб (6691), за ней следовала Польша с 5445 жалобами и Румыния — с 3776. Российские дела составили 16% от всех поданных жалоб. Наибольшее число жалоб, объявленных неприемлемыми или исключенных из списка дел, подлежащих рассмотрению, — 3704 — также поступило из России, что составило 18% от всех жалоб в этой категории. 64 жалобы были признаны приемлемыми — что составило менее 1% от всего числа приемлемых жалоб (830). Для сравнения — в 2003 г. приемлемыми было объявлено 15 жалоб.

В 2004 г. Суд вынес решения по 15 российским делам, четыре из которых были зарегистрированы в 1999 г., пять — в 2000 г., три — в 2001 г. и три — в 2002 г. Суд установил нарушения Европейской Конвенции во всех решениях, кроме двух.

¹ [http://www.echr.coe.int/Eng/EDocs/2004SURVEY\(COURT\).pdf](http://www.echr.coe.int/Eng/EDocs/2004SURVEY(COURT).pdf)

Резолюция 1403 (2004) Парламентской Ассамблеи Совета Европы О состоянии прав человека в Чеченской республике

В Резолюции 1403, принятой 7 октября 2004 г., Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) осудила все преступные деяния, составляющие тяжкие нарушения прав человека, совершенные всеми сторонами конфликта в Чеченской республике.

В частности, ПАСЕ осудила недавнюю волну террористических актов, включая взрывы двух самолетов 24 августа 2004 г. и захват заложников в Беслане, повлекший за собой кровопролитие 3 сентября 2004 г. Ассамблея также осудила многочисленные нарушения прав человека, такие как убийства, насильственные исчезновения, пытки и произвольные задержания, совершенные членами различных федеральных и пророссийских чеченских сил безопасности во время «специальных» или «адресных» операций в Чеченской республике и все более — в соседних регионах.

Восстановление некоторых объектов социальной инфраструктуры и обещание выплаты населению компенсации за разрушенное жилье, было одобрено как позитивный фактор. Однако ПАСЕ по-прежнему полагает, что в Чечне не может быть мира или устойчивого политического урегулирования без прекращения всех нарушений прав человека всеми сторонами и предания суду виновных в наиболее серьезных нарушениях.

Положение с правами человека, отметила ПАСЕ, не претерпело значительного изменения с тех пор как она в последний раз принимала документ о ситуации в апреле 2003 г. Хотя число «зачисток» силами безопасности значительно уменьшилось, произвольные задержания, часто приводящие к исчезновению или пыткам задержанных и расхищению или уничтожению имущества как силами безопасности, так и группами повстанцев, по-прежнему продолжают в огромных масштабах. Кроме того, возникла новая пугающая тенденция брать в заложники родственников лиц, подозреваемых в терроризме, и угрожать им пытками или убийством с целью принудить последних к сдаче.

Атмосфера безнаказанности, на которую обращала внимание ПАСЕ в предшествующей Резолюции 1323 (2003), похоже, распространилась на соседнюю Ингушетию. Что касается расследования преступлений, описанных в предыдущей резолюции, то прогресс был очень малым и тем временем были совершены новые преступления. Ответы на запросы о детальной информации из официальных источников были неполными и противоречивыми, а прогресс в привлечении к ответственности виновных в нарушениях прав человека национальными правоохранительными органами — незначительным.

ПАСЕ также выразила возмущение совершением тяжких преступлений против лиц, обратившихся с жалобой в Европейский Суд по правам человека, и членов их семей.

Ввиду вышеизложенного, ПАСЕ повторила рекомендации, сделанные ранее в резолюции 1323, и призвала правительство Российской Федерации принять дополнительные меры к достижению следующих целей:

1. Положить конец обстановке безнаказанности в Чеченской республике посредством:

- проведения активных расследований по фактам нарушения прав человека и привлечения к ответственности всех виновных в них лиц невзирая на личности;
- выполнения рекомендаций Комиссара по правам человека Совета Европы;
- издания на самом высоком политическом уровне четких указаний о том, что все должностные лица органов безопасности и правоохранительных органов должны неукоснительно соблюдать права человека при выполнении своих служебных обязанностей;
- возмещения ущерба жертвам нарушений прав человека включая выплату компенсаций;
- создания возможностей для систематического мониторинга силами национальных и международных правозащитных организаций нарушений прав человека и мер, принимаемых компетентными органами для выявления и наказания виновных в их совершении;
- сотрудничества со всеми механизмами Совета Европы, в частности, с Европейским Комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего обращения и наказания (ЕКПП);
- принятия эффективных мер для предотвращения репрессий против заявителей в Европейский Суд по правам человека;
- облегчения доступа в регион для национальных и международных СМИ;

2. Обеспечить, чтобы принимаемые или планируемые антитеррористические меры соответствовали стандартам прав человека и гуманитарного права;

3. Создать парламентскую комиссию для расследования злоупотреблений со стороны различных ветвей исполнительной власти.

ПАСЕ также призвала другие государства-члены Совета Европы использовать все возможности в своих двусторонних и многосторонних отношениях с Российской Федерацией для напоминания ей о необходимости соблюдения прав человека в борьбе против терроризма и сепаратизма и продолжать на основании Женевской конвенции о статусе беженцев практику предоставления политического убежища заявителям из Чеченской Республики.

ПАСЕ поддержала рекомендацию ЕКПП от 10 июля 2003 г. об издании на самом высоком политическом уровне официального указания с напоминанием служащим федеральных сил и сотрудникам правоохранительных органов о необходимости соблюдения прав задерживаемых ими лиц.

Наконец, резолюция ПАСЕ приветствовала положительную тенденцию учреждения должности регионального уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и инициативу Комиссара по правам человека Совета Европы и Уполномоченного по правам человека в РФ об учреждении должности регионального уполномоченного по правам человека в Чеченской республике.

Исполнение решений Европейского Суда по правам человека

Дело «Илашку и другие против Молдовы и России»

Владислав Грибинча LL.M., общественное объединение «Юристы за права человека», Кишинев

Согласно ст. 46 п. 1 Конвенции, государства — участники Европейской Конвенции по правам человека (Конвенции) обязаны исполнять любое окончательное решение Европейского Суда по правам человека. Решение, в котором Суд установил нарушение, накладывает на государство-ответчика не только политические, но и правовые обязательства¹.

Международное применение Конвенции основано на предположении различия национальных правовых систем. Поэтому, как правило, решения Суда являются по существу деклараторными и оставляют на усмотрение государств выбор средств, которые будут использованы в рамках внутренних правовых систем для исполнения обязательств по ст. 46 п. 2; само по себе решение не может аннулировать или отменить не соответствующие Конвенции национальное законодательство и судебные решения². На государстве, однако, лежит обязанность положить конец установленному нарушению, предоставить возмещение за его последствия и предотвратить повторение аналогичных нарушений. Где возможно, возмещение должно носить характер *restitutio in integrum*³. Однако, если *restitutio in integrum* не представляется возможным, государства-ответчики свободны выбирать средства, с помощью которых они будут исполнять решение, в котором Суд установил нарушение⁴.

Председатель Палаты направляет вступившее в силу решение Комитету Министров с тем, чтобы последний, в соответствии со ст. 46 п. 2 Конвенции, осуществлял надзор за исполнением любых обязательств, связанных с прекращением, мирным урегулированием или разрешением дела⁵. Председатель Палаты направляет окончательное решение Комитету Министров без необходимости специального запроса от представителя заявителя.

Со своей стороны, Комитет Министров, осуществляя свои функции по ст. 46 п. 2, должен осуществлять надзор за исполнением государствами-ответчиками строго правовых обязательств, вытекающих из решения Суда. Когда решение передается в Комитет Министров, дело вносится на повестку дня Комитета. Комитет предлагает государству информировать его о мерах, принятых им во исполнение решения⁶. Обычно о решении официально объявляется на очередном ежемесячном заседании Комитета, а рассмотрение его не может откладываться на более чем шесть месяцев.

Комитет Министров не предписывает, какие меры должно принять государство-ответчик, но по ст. 46 п. 2 уполномочен давать указания правительствам заинтересованных государств⁷. Свободе государства-ответчика сопутствует мониторинг Комитета Министров (при содействии Департамента по исполнению решений), который обеспечивает, чтобы принимаемые меры соответствовали ситуации и помогли достичь результата, требуемого в решении Суда. Если в силу природы нарушения выбор мер невозможен, Суд может сам непосредственно потребовать осуществления конкретных шагов. До сих пор Суд пользовался этой прерогативой лишь в исключительных случаях⁸.

Заявитель не имеет полномочий перед Комитетом Министров и не может влиять на ход его работы. Совещания Комитета Министров носят конфиденциальный характер даже для заявителя. Комитет Министров, однако, имеет право рассмат-

ривать любые обращения от пострадавшей стороны в отношении выплаты справедливой компенсации или принятия индивидуальных мер.

В ходе надзора за исполнением решения, Комитет Министров может принимать предварительные резолюции, в первую очередь с целью предоставить информацию о ходе исполнения или, где необходимо, выразить озабоченность и/или внести соответствующие предложения относительно исполнения. Когда Комитет полагает, что решение исполнено, он принимает в этой связи резолюцию. Комитет может возобновить надзор за исполнением решения, если после принятия окончательной резолюции об исполнении возникают новые обстоятельства, оказывающие воздействие суть решения.

Если государство не выполняет своих обязательств, Комитет Министров может решить (большинством в 2/3 голосов) принять определенные меры. На практике по Конвенции можно сделать очень немного, чтобы убедить государства соблюдать свои обязательства. Однако Комитет имеет право приостановить членство или даже исключить любую договаривающуюся сторону из Совета Европы, если она будет признана виновной в серьезных нарушениях прав человека⁹. Комитет Министров чрезвычайно неохотно прибегает к полному использованию своих полномочий — ни к одному государству-участнику до сих пор не было применено приостановление членства или исключение.

Решение по делу Илашку

Жалоба № 48787/99 была подана в Суд против Российской Федерации и Республики Молдова в 1999 г. четырьмя молдавскими гражданами (Илие Илашку, Андрей Ивантош, Александру Лешко и Тудор Петров-Попа), которые с 1992 г. удерживались под стражей в «Приднестровской Молдавской республике» (ПМР), регионе Молдовы, известном как Приднестровье, который объявил о своей независимости в 1991 г. и не контролируется властями Кишинева. 9 декабря 1993 г. Верховный Суд ПМР приговорил первого заявителя к смерти, второго и четвертого заявителей — к 15, а третьего заявителя — к 12 годам тюремного заключения.

Заявители жаловались, что в силу политической, финансовой, экономической и военной поддержки приднестровского режима, Российская Федерация, по сути, осуществляла эффективный контроль над приднестровским регионом. Они также утверждали, что Республика Молдова не выполнила своих позитивных обязательств по ст. 1 Конвенции предпринимать все необходимые меры для обеспечения их свободы. Они жаловались на нарушения ст. 2 (в отношении первого заявителя), 3, 5, 6, 8 и 34 Конвенции и ст. 1 Протокола 1.

5 мая 2001 г. первый заявитель был передан приднестровскими силами молдавским властям и освобожден. Третий заявитель был освобожден 2 июня 2004 г. по истечении «срока заключения». Двое других заявителей все еще находятся под стражей в Приднестровье.

Решение Суда, вынесенное 8 июля 2004 г., установило, что заявители находились «в фактической власти или по меньшей мере в сфере решающего влияния» Российской Федерации. Молдавское правительство также не выполнило своих пози-

тивных обязательств по ст. 1 Конвенции в отношении к обжалуемым деяниям, которые произошли после мая 2001 г. Суд установил, что обоими государствами-ответчиками были нарушены ст. 3, 5 и 34 Конвенции, и присудил обоим правительствам выплатить 190 тыс. евро за каждого заявителя в порядке возмещения материального и нематериального ущерба, расходов и издержек.

Суд далее единогласно постановил, что Молдова и Россия должны принять все необходимые меры с целью положить конец произвольному задержанию заявителей, все еще находящихся в заключении и обеспечить их немедленное освобождение. Более того, он подчеркнул безотлагательность этой меры в следующих выражениях (п. 490): «любое продолжение незаконного и произвольного задержания... заявителей непременно повлечет за собой серьезное продолжение нарушения ст. 5, установленного Судом, и нарушение обязательства государств-ответчиков по ст. 46 п. 1 Конвенции соблюдать решения Суда». Впервые Суд высказался столь определенно в связи со ст. 46 п. 1.

8 июля 2004 г. министр иностранных дел Российской Федерации сделал заявление, в котором решение было названо неверным и политически ангажированным. Он также заявил, что Россия всегда выполняла свои международные обязательства и будет продолжать это делать, включая исполнение этого решения, но что, если бы Российская Федерация предприняла меры по обеспечению освобождения заявителей, это представляло бы собой грубое вмешательство во внутренние дела Республики Молдова¹⁰.

С учетом формулировок решения Комитет Министров решил на своем заседании 9 сентября 2004 г. продолжить рассмотрение предписанных судом безотлагательных мер не только на заседаниях, посвященных надзору за исполнением решений, но и на регулярных заседаниях. С 9 сентября 2004 г. по 7 февраля 2005 г. вопрос исполнения этого решения рассматривался на встречах Комитета 13 раз, что привело к подготовке проекта предварительной резолюции в феврале 2005 г.

Меры по исполнению решения, принятые правительствами-ответчиками

Оба государства выполнили свои обязательства по Конвенции по выплате сумм, указанных в решении, к 8 октября 2004 г. Молдавское правительство перевело решение и опубликовало его в Официальной газете Республики Молдова 21 сентября 2004 г. Представитель Молдовы в Комитете Министров также представил Комитету ряд документов, адресованных российским властям, Генеральному Секретарю Совета Европы, представителю председательствующей в Комитете Министров Норвегии и приднестровским «властям», в которых содержалось обращение за содействием в освобождении заявителей.

На заседании Комитета Министров российские власти озвучили делегатов с заявлением МИД от 8 июля 2004 г. и озвучили несогласие России с решением как по правовым, так и по политическим основаниям. Российские власти заявили, что не в состоянии исполнить решение, поскольку освобождение заявителей посредством применения силы немыслимо. На 907 заседании (24 ноября и 1 декабря 2004 г.) Комитета Министров Постоянный представитель Российской Федерации подчеркнул, что его правительство считает свои обязательства выполненными, в полном размере выплатив присужденную заявителям справедливую компенсацию, и поэтому исследование дела в части мер, которые должна была принять Российская Федерация, должно быть закрыто. Исполнение

второй части решения должно, по мнению российских властей, осуществляться в контексте политического урегулирования ситуации в Приднестровье.

Комментарии

Государства-ответчики имеют полную возможность защищать свою позицию по делам перед Судом. На стадии исполнения решения представляют собой свершившийся факт, который более не открыт для обсуждения. Этот принцип в равной степени применим к вопросам юрисдикции. Любые заявления, исходящие от правительств и оспаривающие выводы окончательного решения Европейского Суда, несовместимы со ст. 46 п. 1 Конвенции.

Государства не вправе выбирать, исполнять или не исполнять решение в какой-либо его части. Более того, вопрос о том, имеется ли риск для жизни заявителей, не влияет на обязательство государств-ответчиков принять необходимые меры.

Хотя, по сути, это может, в терминах классического международного права, приравняться к вмешательству в их внутренние дела, после вынесения решения Суда дело уже обстоит иначе. *A fortiori*, на принцип невмешательства во внутренние дела государства нельзя ссылаться с целью воспрепятствовать должному исполнению решения Европейского Суда.

Обязательство государств, вытекающее из решения Суда, относится к результатам, а не к средствам; так, что касается индивидуальных мер, требуемых в настоящем деле, заявителям должны быть освобождены. Представляется, что молдавское правительство сделало некоторые политические шаги, направленные на освобождение двух заявителей, все еще находящихся под стражей. Однако, по всей видимости, российское правительство, по крайней мере, на политическом уровне, не сделало ничего для освобождения заявителей.

Как отмечалось выше, задержание двух заявителей после 8 июля 2004 г. несовместимо со ст. 46 п. 1 Конвенции и представляет собой длящееся нарушение ст. 5 Конвенции. Неясно, могут ли двое заявителей требовать в Суде компенсации за неисполнение решения, но ясно, что они могут требовать компенсации за продолжение их содержания под стражей после вынесения решения по делу.

¹ Решение по делу *Papamichalopoulos and others v. Greece*, 31.10.1995, (ст. 50), § 34.

² См. *inter alia* решение по делу *Markx v. Belgium*, 13.07.1979, § 58.

³ R. St. J. Macdonald, F. Matscher, H. Petzold (eds.), *The European System for the Protection of Human Rights* (1993), p. 793.

⁴ Решение по делу *Akdivar and others v. Turkey*, 01.04.1998, (ст. 50), § 47.

⁵ Правило 43 п. 3 Регламента Суда. Текст Регламента Суда см. по адресу: <http://www.echr.ru/documents/doc/12016643/12016643-001.htm>

⁶ Правила применения ст. 46 п. 2 Европейской Конвенции по правам человека, принятые на 736 заседании заместителей министров Комитета Министров (см. http://www.coe.int/T/E/Human_Rights/Execution/02_Documents/CMrules46.asp#TopOfPage)

⁷ T. Barkhuysen, *The Execution of the Strasbourg and Geneva Human Rights Decisions in the National Legal Order* (1999), p. 81.

⁸ См. *Ассанидзе против Грузии (Assanidze v. Georgia)*, решение от 08.04.2004; *Бронёвски против Польши (Broniowski v. Poland)*, решение от 22.06.2004 и *Илашку и другие против Молдовы и России (Ilascu and others v. Moldova and Russia)*, решение от 08.07.2004.

⁹ Ст. 8 Устава Совета Европы.

¹⁰ Заявление находится по адресу http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/7D1BEC3C25B34D7EC3256E5B004647E4

Журналистская свобода в России — дело Лежава против Российской Федерации.

Бесарион Бокашвили (старший юрист, Грузинская ассоциация молодых юристов, Тбилиси)

Все помнят ужасные события, произошедшие в Беслане 1 сентября 2004 г. Цивилизованное мировое сообщество содрогнулось от событий, которые были главной темой новостей большинства ведущих информационных компаний во всем мире. Телерадиокомпании и информационные агентства направляли своих журналистов с целью сбора и передачи информации о событиях в Беслане. С учетом того, что события в соседней стране вызвали огромный интерес в Грузии, одна из ведущих телекомпаний Грузии, «Рустави-2», направила в Беслан своего журналиста, г-жу Нана Лежава, для сбора информации для выпусков новостей.

4 сентября 2004 г. российский спецназ провел операцию, после которой грузинские журналисты смогли взять интервью у заложников, освобожденных в результате операции. В результате Нана Лежава записала несколько кассет интервью с бывшими заложниками. В ходе работы грузинская журналистка была арестована и у нее была изъята камера и все пленки с записанным материалом. Г-жу Лежава препроводили в центр предварительного заключения ФСБ во Владикавказе и там обвинили в незаконном переходе грузинско-российской границы. У г-жи Лежава и ее оператора отобрали паспорта — со вкладышами, подтверждающими, что они были зарегистрированы в Казбеги, регионе Грузии, находящемся вблизи от российской границы в Северной Осетии. (По условиям договоренности между российскими и грузинскими властями, граждане Грузии, проживающие и зарегистрированные в Казбегском районе, пользуются правом упрощенного перехода границы в пограничном пункте Ларси.) Находясь под стражей, г-жа Лежава и ее оператор были полностью изолированы и лишены возможности общения с внешним миром. Г-же Лежава было отказано в доступе к представителям грузинского консульства. Впоследствии российским адвокатам, нанятым ее компанией, «Рустави-2», было также отказано в праве посетить заявительницу.

6 сентября 2004 г. районный суд продлил содержание г-жи Лежава под стражей до 10 дней. Находясь в изоляторе ФСБ, заявительница была подвергнута медицинскому обследованию без ее согласия. После серии допросов, проведенных следователями ФСБ, г-же Лежава дали психотропное вещество (бензодиазепам), добавив его в кофе, с целью сломить ее психологическое сопротивление. Она смутно припоминает, что после того, как она выпила кофе, ее строго допрашивали двое неизвестных, которые кричали на нее. После отравления заявительница проспала 25 часов и впоследствии жаловалась на головокружение, подавленность, тупую головную боль и рвоту.

9 сентября 2004 г. уголовное дело в отношении г-жи Лежава было прекращено, и она и оператор были освобождены за отсутствием доказательств. Представители ФСБ препроводили грузинских журналистов до границы.

Дело в Европейском Суде

В результате этих событий г-жа Лежава подала жалобу в Европейский Суд по правам человека, утверждая, что были нарушены ее права по ст. 3, 5, 6, 10 и 13. Жалоба была подана от ее имени Грузинской ассоциацией молодых юристов.

Заявительница утверждает, что подвергалась под стражей обращению, нарушающему ст. 3, с тяжелыми отрицательными

последствиями для ее физического и душевного здоровья. Лежава утверждает, что сам факт дачи ей психотропного вещества в кофе без ее согласия и ее отравление, представлял собой бесчеловечное и унижающее обращение. Утверждения заявительницы подтверждаются заключением ведущих грузинских профессоров и врачей из Института радиологии и рентгенодиагностики Грузинской академии наук.

Заявительница также утверждает, что нарушено было несколько положений ст. 5 и 6 Европейской Конвенции. Во-первых, заявительница подчеркивает, что под стражей она была отрезана от внешнего мира. Г-жа Лежава не имела даже возможности позвонить в свою телекомпанию или информировать любое иное лицо. Ни представители грузинского консульства, ни адвокаты Московской адвокатской палаты, нанятые компанией «Рустави-2», не были допущены к заявительнице. Таким образом, г-жа Лежава была полностью лишена возможности для подготовки своей защиты или помощи юриста по собственному выбору. Несколько раз она допрашивалась, не имея возможности прибегнуть предварительно к юридической консультации. Несмотря на тот факт, что заявительница возражала против этого и требовала присутствия в районном суде адвокатов, нанятых «Рустави-2», власти сами назначили ей адвоката.

Заявительница также утверждает, что даже после своего освобождения 9 сентября 2004 г., она была лишена возможности остаться на территории России и встретиться со своими российскими адвокатами с целью начать разбирательство против тех, кто дал ей психотропное вещество, обжаловать отказ представителей ФСБ допустить к ней представителей консульства, отказ следственных органов в предоставлении ей юристов по ее выбору и законность ее задержания. Далее г-жа Лежава утверждает, что имело место нарушение ст. 5(4) на основании того, что заявительница не обладала должными процессуальными гарантиями и не имела возможности получить консультацию юриста по ее собственному выбору и подготовить аргументацию для судебного разбирательства по вопросу ее содержания под стражей.

Заявительница утверждает, что в результате отсутствия возможности подготовки защиты с помощью юристов по ее собственному выбору судебное разбирательство не удовлетворяло требованиям состязательности и справедливости разбирательства и, следовательно, нарушило ее право, заложенное в ст. 6(1) и 6(3)(с).

Заявительница также утверждает, что была нарушена ст. 10, так как ей не дали получить информацию и интервью от заложников, пострадавших от зверства террористов в Беслане. Она утверждает, что после того, как российский спецназ осуществил операцию, не было необходимости изымать записанные пленки и камеру. Заявительница всего лишь брала интервью у заложников для направившей ее телевизионной компании. Г-жа Лежава утверждает, что российские власти пытались скрыть истинную и объективную информацию о заложниках и количестве людей, которые, к сожалению, погибли в ходе антитеррористической операции. Так, вмешательство российских властей было совершенно несоразмерным преследуемой законной цели и не было необходимым в демократическом обществе.

Наконец, заявительница утверждает, что не располагала эффективным средством правовой защиты перед российскими судами в отношении этих различных нарушений Конвенции, в нарушение ст. 13. Представляется, что она явно не обладала доступом к эффективному средству защиты ввиду следующего: она была отрезана от внешнего мира; ей было отказано в доступе к представителям консульства ее страны; ей было отказано в праве быть представленной адвокатами по ее собственному выбору; она не имела возможности встретиться со своими российскими адвокатами и получить юридическую консультацию и обжаловать поведение властей даже после ее

освобождения; кроме того, она была принуждена покинуть Россию в день ее освобождения.

По этим причинам заявительница попросила Европейский Суд признать, что она была не обязана использовать внутренние средства защиты, поскольку российские власти фактически лишили ее права и возможности обратиться в какие-либо судебные или надзорные инстанции и обжаловать нарушение ее прав, гарантированных Европейской Конвенцией.

Жалоба г-жи Лежава в настоящее время ожидает рассмотрения Европейским Судом по правам человека.

Право голоса для заключенных: опасность конституционных ограничений

Кирилл Коротеев, юрист ПЦ «Мемориал»

30 марта 2004 г. четвертая секция Европейского Суда по правам человека вынесла решение по делу *Херст против Соединенного Королевства (Hirst v. the United Kingdom, № 2)*, № 74025/01¹. Заявитель, отбывающий дискреционное пожизненное заключение, жаловался на то, что безоговорочное лишение всех заключенных права голоса на парламентских выборах нарушило его право на свободные выборы по ст. 3 Протокола 1 к Европейской Конвенции по правам человека. Опираясь на решение Верховного Суда Канады по делу *Сове против Генерального прокурора (Sauve v. the Attorney General)* от 31 октября 2002 г., Суд единогласно постановил, что такой автоматический и безоговорочный запрет не служит какой-либо законной цели по Конвенции и, в любом случае, несоразмерен какой бы то ни было преследуемой цели. Суд отметил, что несмотря на широкую свободу усмотрения, предоставляемую государствам в избирательных вопросах, абсолютный запрет выпадает из приемлемых рамок усмотрения.

Российское законодательство содержит сходный безоговорочный запрет на участие в выборах для заключенных (независимо от характера преступления и продолжительность срока); более того, этот запрет предусмотрен ст. 32(3) Конституции 1993 г. Поскольку эта статья является частью гл. 2 («Права и свободы человека и гражданина»), в силу ст. 135(2) она может быть изменена либо посредством принятия новой Конституции, либо референдума, либо Конституционным собранием (специальным органом, созываемым с целью принятия новой Конституции).

Следует отметить, что до 1989 г. российские (равно как и советские) конституционные акты не содержали подобного запрета (обычно это являлось предметом «обычного» законодательства). Начиная с Основных законов 1906 г. (конституционная природа которых, правда, оспаривается) на право голоса для заключенных не налагалось безоговорочного запрета, несмотря на то, что ст. 10 Положения о выборах в Государственную Думу 1907 г. и ст. 4 Положения о выборах в Учредительное собрание 1917 г. — с содержащимися в них подробными указаниями — лишили права голоса огромное большинство осужденных преступников. Такие же соотношения были применимы и к советским конституциям и законам, хотя советские выборы в любом случае были лишь формальными. И только с принятием закона от 27 октября 1989 г., внесшего поправки в Конституцию РСФСР 1978 г., этот запрет стал частью Конституции, хотя до 1993 г. в это положение (ст. 92(4)) могли вноситься изменения парламентом.

Представляется, что современная правовая доктрина не предлагает разумного обоснования для этого запрета. Один из ведущих экспертов по конституционным основам избирательного права и Советник Конституционного суда профессор Л. В. Лазарев считает, что заключенные «сами лишают себя права голоса на выборах и референдумах, нарушив закон²» — довод, едва ли представляющийся убедительным.

Таким образом, российский правопорядок должен ответить на вызов изменений в области прав человека и преодолеть неоправданно широкие и не поддающиеся изменениям конституционные ограничения. Возможным решением могло бы стать постановление Конституционного Суда, идущее не просто *contra legem*, но *contra constitutionem*.

¹ В настоящее время это дело передано в Большую Палату Европейского суда согласно ст. 43 Европейской Конвенции по правам человека.

² Комментарии к Конституции Российской Федерации // Под ред. Ю. В. Кудрявцева. — Москва, 1996.

Протокол № 12 к Европейской Конвенции

Протокол № 12 к Европейской Конвенции по правам человека, обеспечивающий общее запрещение дискриминации, вступает в силу после ратификации первыми десятью государствами 1 апреля 2005 г.

Сфера применения Протокола № 12 шире, чем у ст. 14 Конвенции, которая запрещает дискриминацию только при пользовании одним из другим гарантированных Конвенцией прав. Протокол 12 гарантирует, что никто не должен подвергаться дискриминации ни на каком основании никаким публичным органом.

4 ноября 2000 г. Российская Федерация подписала Протокол № 12, однако до сих пор не передала ратификационную грамоту в Совет Европы. До тех пор, пока это не произойдет, сослаться на Протокол № 12 в отношении России будет невозможно. Из стран бывшего Советского Союза Протокол № 12 ратифицировали Армения и Грузия.

Доклад Комитета ООН по правам человека о соблюдении Россией Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)

В этой статье резюмируются Заключительные замечания Комитета по правам человека в ответ на пятый периодический доклад России в соответствии с МПГПП (6 ноября 2003 г.)

Комитет отметил, что в пятый периодический доклад не была включена полная информация о мерах, принятых по прошлым заключительным замечаниям, а также что подача очередного доклада была задержана почти на четыре года. Были отмечены четыре положительных момента:

— законодательные изменения и усилия по укреплению судебной власти, которые в целом способствовали улучшению защиты прав, провозглашенных в Пакте;

— постановление Верховного Суда, которое предписывает судам общей юрисдикции при исполнении своих обязанностей руководствоваться соответствующими международными соглашениями;

— Федеральный конституционный закон №1-ФКЗ (1998 г.), учредивший институт и установивший функции и обязанности Федерального уполномоченного по правам человека и избрание первого уполномоченного в мае 1998 г.;

— достижения в решении проблемы переполненности тюрем.

Ряд моментов вызывает озабоченность:

— невыполнение Россией решений Комитета которые были выражены в делах Гридин против Российской Федерации и Ланцов против Российской Федерации, поданных согласно процедуре индивидуальной жалобы и принятых в соответствии с Первым факультативным протоколом. Россия должна пересмотреть свое отношение к Факультативному протоколу и привести в исполнение решение Комитета в соответствии со ст. 2(3) Пакта;

— продолжающееся неравенство женщин в реализации прав, защищаемых Пактом, в частности, высокий уровень бедности, домашнее насилие и неравная оплата за равный труд. Россия должна принять эффективные меры для обеспечения полной реализации прав Пакта женщинами (ст. 3 МПГПП);

— торговля людьми для сексуальной и трудовой эксплуатации, в основном путем вывоза за границу. Эта проблема сохраняется, несмотря на разработку законодательства против торговли людьми и шаги России по ратификации договоров ООН в этой области. Россия должна усилить меры по предотвращению и прекращению торговли женщинами, не только приняв уголовное законодательство, но и предоставлением защиты и поддержки жертвам;

— хотя смертная казнь *de facto* отменена и скоро будет отменена *de jure*, действие моратория может прекратиться в 2007 г., после введения суда присяжных во всех субъектах РФ. Россия должна отменить смертную казнь *de jure* до истечения срока моратория и присоединиться ко Второму факультативному протоколу;

— подозреваемые и содержащиеся под стражей лица недостаточно защищены действующим законодательством, особенно в связи с пытками или жестоким обращением во время неофициальных допросов, не требующих присутствия адвоката. Сотрудники правоохранительных органов должны преследоваться за деяния, противоречащие ст. 7 МПГПП, а также проходить подготовку в области прав подозреваемых и задержанных;

— нарушения прав человека в Чечне представляют особую проблему. Несмотря на то, что злоупотребления и нарушения совершаются и представителями негосударственных образований, это не освобождает государство от соблюдения обязательств в соответствии с Пактом. Комитет особенно озабочен возможными последствиями законодательства о борьбе с терроризмом. Операции в Чечне должны соответствовать международным обязательствам в области прав человека, а все случаи злоупотреблений должны расследоваться, виновные привлекаться к ответственности, а жертвы или их семьи — получать компенсацию (ст. 2, 6, 7 и 9 МПГПП);

— обстоятельства операции по освобождению заложников в московском театре на Дубровке 26 октября 2002 г. должны подвергнуться глубокому и независимому расследованию; результаты должны быть обнародованы, а при необходимости следует возбудить судебное преследование и выплатить компенсации.

— плохие санитарно-гигиенические условия и насилие со стороны сотрудников в некоторых местах содержания под стражей. Следует предпринять активные меры к тому, чтобы реформа уголовно-исполнительной системы соответствовала ст. 10, а проблема переполненности должна быть уничтожена полностью. Комитет поддерживает принятие проекта федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности»;

— сообщения о недопустимом давлении на вынужденных переселенцев, живущих в палаточных городках в Ингушетии, с целью заставить вернуться в Чечню. Следует обеспечить отсутствие давления на этих лиц;

— закон об альтернативной гражданской службе представляется карательным по сути и не гарантирует, что задачи, выполняемые отказниками, будут совместимы с их убеждениями. Его формулировки должны быть приведены в соответствие со ст. 18 и 26 МПГПП, а продолжительность гражданской службы сокращена до срока воинской службы;

— закрытие некоторых независимых СМИ и увеличение государственного контроля за основными средствами массовой информации. Россия должна соблюдать плюрализм СМИ и избегать их государственной монополизации (ст. 19 МПГПП).

— принятые после 11 сентября поправки в законы о СМИ и о борьбе с терроризмом несовместимы со ст. 19 МПГПП, хотя Комитет с удовлетворением отмечает, что президент наложил на них вето. Эти поправки, которые будут обсуждаться снова, должны соответствовать обязательствам России в соответствии с Пактом;

— Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» содержит слишком расплывчатое определение этого понятия и не обеспечивает защиты от произвольного его применения. Россия должна пересмотреть этот закон, уточнив этот термин и исключив всякую возможность его произвольного применения;

— журналисты, ученые и активисты-экологи подвергались судебному преследованию и осуждались по обвинениям в государственной измене за распространение информации, представляющей общественный интерес. В ряде случаев при недоказанности обвинений дела не прекращались, а направлялись обратно в прокуратуру. Никто не должен подвергаться уголовному преследованию или осуждению за законную журналистскую или научно-исследовательскую деятельность (ст. 19 МПГПП);

— общая частота случаев запугивания, нападения и убийств журналистов. Все такие дела должны тщательно расследоваться и все виновные быть привлечены к ответственности (ст. 19 и 6 МПГПП).

— выборы в Чеченской республике не соответствовали всем требованиям ст. 25 МПГПП. Восстановление правопорядка и политической легитимности в Чечне должны проводиться в полном соответствии со ст. 25 Пакта;

— Рост насилия на расовой почве в отношении этнических и религиозных меньшинств, дифференциация по расовому признаку, практикуемая сотрудниками правоохранительных органов в отношении граждан, и ксенофобные заявления со стороны государственных деятелей. Сотрудники правоохранительных органов должны получить подготовку по защите меньшинств от преследований. Также следует принять специальное законодательство, приравнивающее к уголовному преступлению расистские действия, а также расистские заявления лиц, занимающих государственные должности;

— длительные задержки при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища, особенно в Москве и Московской области. Миграционная служба не разрешала детям просить об убежище без сопровождения законного опекуна. Следует обеспечить своевременный доступ к процедуре предоставления статуса беженца, а соответствующие органы должны назначать опекунов детям, ходатайствующим об убежище.

Текст пятого периодического доклада России и Заключительных замечаний следует широко распространить (текст замечаний см.: www.mhg.ru/doklad/2B41915).

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC)

создан в 2003 г. в Лондоне с целью оказания содействия частным лицам, юристам и НПО Российской Федерации в использовании различных механизмов защиты прав человека. EHRAC сотрудничает с «Мемориалом» и другими российскими НПО и юристами, а также с Комитетом по правам человека Коллегии адвокатов Англии и Уэльса. С этой целью EHRAC организует стажировки, семинары и распространяет учебные материалы.

Работа с НПО: присоединяйтесь к нам !

EHRAC заинтересован в расширении масштабов своей деятельности, а также обмене опытом с сетью НПО в России, а в перспективе — и на территории бывших республик СССР.

Объединение в единую сеть, обмен информацией и ресурсами позволили бы нам охватить своей деятельностью больше людей, сделать нашу работу более эффективной. Если вы проявляете интерес к нашей работе, работаете в той же сфере деятельности и хотите установить с нами контакт, свяжитесь с нами!

Адрес в Великобритании:

European Human Rights Advocacy
Centre
London Metropolitan University
LN 222 Ladbrooke House
62-66 Highbury Grove
London N5 2AD
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrac

Директор проекта:

Филип Лич

Тел.: ++ 44 (0)20 7133 5111

Коммутатор:

++ 44 (0) 20 7423 0000

Факс: ++44 (0)20 7133 5173

E-mail: ehrc@londonmet.ac.uk

Академический Координатор:

Проф. Билл Бауринг

Тел.: ++ 44 (0)20 7133 5132

E-mail: b.bowring@londonmet.ac.uk

Менеджер проекта:

Тина Девадасан

Тел.: ++ 44 (0)20 7133 5087

E-mail: ehrc@londonmet.ac.uk

Администратор проекта:

Елена Волкова

Тел.: ++44(0)20 7133 5090

Факс: ++44 (0)20 7133 5173

E-mail: e.volkova@londonmet.ac.uk

Адрес в Москве:

101990 Москва,

Милютинский пер., 18А, оф. 36С

Тел.: +7 (095) 225-31-17

Факс: +7 (095) 924-20-25

Сайт: ehrcmos.memo.ru

Исполнительный директор:

Татьяна Ивановна Касаткина

Тел.: +7 (095) 200-65-06,

+7 (095) 978-68-16

E-mail: memhrc@memo.ru

Координатор проекта:

Елена Рыжова

E-mail: admin@ehrac.memo.ru

Юрист:

Дина Ведерникова

E-mail: vedernikova@ehrac.memo.ru

Юрист:

Кирилл Коротеев

E-mail: koroteev@ehrac.memo.ru

Юрист:

Наталья Кравчук

E-mail: kravchuk@ehrac.memo.ru

Региональный юрист:

(Офис в Санкт-Петербурге)

Ольга Цейтлина

191187 Санкт-Петербург,

ул.Гагаринская 12, офис 42

Тел.:+7 (812) 327-35-09

Факс:+7 (812) 279-03-71

E-mail:oosipova@hotmail.com

Региональный юрист:

(Офис в Рязани)

Ирина Ананьева

390000 Рязань,

пл. Костюшко, 3, офис "А"

Тел.: +7 (0912) 25-51-17

Факс: +7 (0912) 25-51-17

E-mail: Ananas77@mail.ru

Региональный юрист:

(Офис в Назрани)

Иса Гандаров

386100 Ингушетия, Назрань,

ул. Моталиева, 46

Тел.: +7 (8732) 22-23-49

Факс: +7 (8732) 22-23-49

E-mail: isa@southnet.ru

Региональный юрист:

(Офис в Урус-Мартане)

Докка Ицлаев

Чеченская Республика

Урус-Мартан

ул.Ленина 1А.

Тел.: +7 (87145) 22-226

E-mail:dokka@mail.ru

Адвокат:

(Офис в Краснодаре)

Владимир Гайдаш

350003 Краснодар, ул. Мира, 29

Тел.: +7 (8612) 44-39-07

Факс: +7 (8612) 44-65-44

E-mail: lcrkrd@kuban.net

Этот выпуск бюллетеня подготовили Филип Лич, Тина Девадасан, Татьяна Томаева и Елена Рыжова. Европейский центр защиты прав человека выражает признательность авторам информационных и аналитических материалов,

вошедших в бюллетень: Бесариону Бокашвили, Дине Ведерниковой, Владиславу Грибинче, Анне Деменовой, Полу Кларку, Кириллу Коротееву, Саймону Моссу, Оламиде Огунринаде и Алексу Уилксу.



Программа «Усиление ресурсов поддержки женщин и мужчин, направляющих жалобы против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека» рассчитана на три года и финансируется Европейской Комиссией (Комиссия оказывает также финансовую поддержку по выпуску бюллетеня EHRAC). Высказываемые здесь взгляды и мнения принадлежат исключительно Европейскому центру защиты прав человека (EHRAC) и ни в коем случае не могут отражать официальной точки зрения Европейской Комиссии.